

АНАСТАСИЯ
КОЛЬЦОВА.

не будь
как все
будь
собой

ДУМАЙ
ЧУВСТВУЙ
ДЫШАЙ

МАЛЬЧИК в капюшоне

Анастасия Кольцова

Мальчик в капюшоне

<https://litres.ru/74207569>

Аннотация

Вы верите в любовь с первого взгляда? А с первого сказанного слова? Пять лет назад я влюбилась, даже не видя лица. И переход в новую школу – это шанс найти мальчика в капюшоне из моего детства. Кто он? Первый красавчик класса Алекс, или аутсайдер Антон? Предательство, совершённое в прошлом, не позволяет мне спросить напрямую. Но я обязательно узнаю правду, и тогда мы точно будем вместе. Ведь первая любовь – это то, за что стоит бороться!

Не забудьте поставить звёздочку и добавить книгу в библиотеку:) Спасибо всем, кто дарит награды и оставляет комментарии♥

Содержание

Глава 1. Первое сентября	4
Глава 2. На крыше "заброшки"	13
Глава 3. Первый учебный день	21
Глава 4. Расскажи мне о море	30
Глава 5. Неожиданное спасение	38
Глава 6. Предательство	46
Глава 7. Джерри	54
Глава 8. Игра в "Бутылочку"	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1. Первое сентября

Ненавижу новую школу. И будущих одноклассников заранее ненавижу.

Ещё с утра, когда бабуля гладила мне форму, а потом заботливо поправляла локоны и только ей одной заметные складки на юбке, я думала о том, что переход в тридцать пятую школу – это спуск на самое дно. Даже не просто на дно, а на самое глубокое днище. В самый низ пищевой цепочки.

Тридцать пятая школа считается самой худшей в нашем городе, именно её выпускники наводняют местные шараги и пту, до универов мало кто добирается. И даже десятый класс в этой большой вроде бы трёхэтажной школе набрался всего один. В него я и перевелась из своей элитной первой гимназии.

И именно в эту школу с единственным десятым классом направляюсь этим прохладным сентябрьским утром с тремя розами в руках, красиво дополняющими мой образ блондинки в брендовых шмотках. Натуральной блондинки – перед переездом к бабушке я в последний раз сходила в любимый салон и попросила покрасить на несколько тонов темнее, в свой родной цвет.

Хотя, не думаю, что кто-то заценит здесь мой стильный лук – мои будущие одноклассницы поди и в дорогих брендах-то не разбираются, отовариваются в ближайшем торго-

вом центре. Знаю о чём говорю, его отлично видно из бабушкиного окна, и народу там всё время тьма-тьмушая. Особенно в преддверии первого сентября.

Отвлекаюсь от грустных мыслей на красивого русоволового парня в белой толстовке, идущего по противоположной стороне улицы. Мой ровесник, на вид лет шестнадцать-семнадцать. Заметив мой интерес, широко улыбается и подмигивает. Я улыбаюсь в ответ, а мои мысли возвращают меня в детское прошлое. Наверное, столько же лет сейчас...

– Осторожнее! – сурово окликаю я чуть не врезавшегося в меня на подходе ко школьному двору мальчишку, наверное, пятиклашку, и он испуганно шарахается в сторону. Блин, кажется я переборщила с суровостью. Просто настроение ниже плинтуса и на нервах вся. Нужно ведь сразу показать новому коллективу, что я не та девочка, которую можно огорчать.

Трёхэтажная бежевая школа по моим меркам выглядит уныло и непритязательно. Ни в какое сравнение не идёт с роскошным зданием первой гимназии, к которому я так привыкла за девять лет учёбы. Что ж, буду привыкать к новому.

Во дворе школы уже вовсю снуют подростки разных возрастов, до начала линейки остаётся не больше пяти минут. Выискиваю в толпе табличку «10 А», и пробираюсь туда, где вокруг румяной женщины средних лет толпятся мои ровесники и ровесницы в потёртых джинсах и белых рубашках. Однозначно, я в своих юбочке и блузке здесь сегодня самая нарядная.

– Белецкая? Ребята, знакомьтесь, это наша новенькая, Станислава Белецкая, – представляет меня классная руководительница. – Меня зовут Марья Ивановна, ну а с ребятами думаю вы сами познакомитесь.

– Можно просто Стася, – улыбаюсь я, и дарю букет, который становится всего лишь вторым или третьим в её руках. А жаль, новая классная кажется мне довольно милой женщиной.

– О, значит, Стасян, – ухмыляется широкоплечий веснушчатый детина и кладёт руку мне на плечо. Руку. Мне. На плечо.

– Руки убрал, – тихо, но угрожающе говорю я. – И не Стасян, а Стася.

Кажется, мои голубые глаза смотрят не очень ласково, потому что придурок одаривает меня озадаченным взглядом и быстро убирает свои загибающиеся лапки. Хороший мальчик, быстро схватывает. Хотя может просто при классухе решил не возникать, посмотрим, как поведёт себя дальше. Но спуску давать в новой для себя школе я никому не намерена.

Умение осаживать зарвавшихся особей досталось мне в наследство от папы, владельца крупного бизнеса. И в этой школе, худшем, что могло случиться со мной в нашем городе, я планирую воспользоваться своим талантом на все сто процентов.

– Смотрите, Алекс идёт, – восторженно шепчет кто-то из девчонок, и я вижу пробирающегося к сектору десятого

класса парня в белой толстовке, того самого, который подмигнул мне по дороге к школе. Значит, одноклассники. Забавно. Хотя бы кто-то более-менее симпатичный будет радовать мой взор на уроках.

– Рощин, а вы сама пунктуальность, – шутит моя новая классуха. – Тютелька в тютельку! Ещё полминуты, и опоздали бы!

– Как я могу, Марья Ивановна, вы ж меня знаете, – разводит руками красавчик. – Разве я когда-то вас подводил?

– Тише, Антонина Егоровна начинает линейку, – шепчет классуха.

Седовласая Антонина Егоровна, стоящая с микрофоном на крыльце школы – моя новая директриса.

Минут десять мы слушаем стандартную первосентябрьскую речь о том, что нужно учиться, учиться, и ещё раз учиться, во время которой Рощин забавно передразнивает директрису, потом минут пятнадцать наслаждаемся небольшим концертом от местных талантов, и расходимся по кабинетам. Аудитория десятого «А» находится на втором этаже, туда мы и направляемся нестройной шумной гурьбой.

– Марья Ивановна, а можно новенькая со мной сядет? – нагло интересуется Рощин. – Моя соседка как раз в другую школу перешла, а новенькая тоже симпатичная, будет равноценная замена.

– Об этом лучше спросить у самой Стаси, вы у меня уже совсем взрослые, сами решаете, где и с кем вам сидеть, –

Марья Ивановна открывает перед нами дверь класса, и ждёт, пока все пройдут внутрь.

– Сядешь со мной? – приветливо интересуется у меня нахал по фамилии Рошин. Или просто Алекс, как назвали его девчонки на линейке.

Я равнодушно киваю и иду вслед за новым соседом – Рошин так Рошин, мне всё равно, где и с кем сидеть. Думаю, наглый красавчик со смышлёными глазами и серьгой-гвоздиком в левом ухе не худший вариант.

Усаживаюсь за третью парту первого ряда, прямо возле окна – Алекс галантно пропускает меня на самое интересное место. Что ж, спасибо ему, смогу на классных часах наблюдать последние дни жизни бьющихся о стекло упрямых осенних мух и считать нахохлившихся птиц на проводах.

– Марья Ивановна, а где наш Антоша? – саркастично спрашивает конопатый детина, на линейке положивший мне руку на плечо. – Как обычно нас игнорирует?

– А тебе-то что до Антоши? Соскучился? – злобно ощеривается на вопрошающего ярко покрашенная блондинка, сидящая за предпоследней партой второго ряда.

– По Антону-то? Не смейся, – фыркает симпатичный темноволосый парнишка, как и я, сидящий за третьей партой, но только второго ряда. – Кому нужен этот надменный единоличник! Кроме тебя и Иванова, разумеется. Не понимаю, что вы в нём нашли!

– И не поймёшь, ты же придурок, – огрызается блондинка,

откидывая падающие на лицо волосы.

Кажется, подобные перепалки – естественное состояние моего нового класса. В какой же змеюшник я попала?

– Думаю Ярцев сам завтра расскажет нам, чем он так сегодня занят, – терпеливо улыбается классуха. – Давайте не будем ругаться, и поговорим лучше о том, как провели эти каникулы.

Марья Ивановна спрашивает у моих новых одноклассников, где они провели это лето, и я напряжённо вслушиваюсь в их ответы. Знаю, с тех детских разговоров на крыше прошло много времени, его голос наверняка поломался, стал взрослее, но всё же...

– Ну а ты, Стася? – выдёргивает меня из моих размышлений голос классной. – Чем занималась на каникулах?

– В Дубае отдыхала, – без запинки вру я, и парочка одноклассниц оглядывается на меня с неприкрытой завистью. Ну и пусть. Пусть лучше завидуют, чем узнают правду, и будут глядеть с жалостью, как на побитую собачонку. Ненавижу, когда меня жалеют.

– Значит, мажорка, – вполголоса констатирует сосед по парте. – Не просто равноценная замена прошлой соседке, а шикарная замена.

– Иди ты, – посылаю я настырного красавчика. Но беззлобно – кажется обаяние Алекса, под которым находится большая часть девчонок десятого класса, начинает распространяться и на меня.

– А чем ты, Алекс, занимался? – очередь доходит и до моего соседа.

– Конечно же учился всё лето, Марья Ивановна! Усиленно готовился к десятому классу! Чем молодой человек моего возраста ещё может заниматься на каникулах? – серьёзно отвечает мой сосед, и одноклассники смеются – всем ясно, что Роцин прикалывается.

А голос у Алекса ничего такой, приятный. Интересно, могли стать таким голос того, кого я знала в детстве? Кажется, из всех одноклассников именно голос Роцина напоминает его тембр больше всего. Или мне кажется так, потому что Алекс симпатичный?

Немного поболтав о прошедшем лете Марья Ивановна диктует расписание уроков на завтра, одноклассники начинают записывать его в телефоны, я тоже достаю из кармана юбки свой айфон.

– О, последняя модель, – с интересом отмечает мой сосед по парте. – И правда мажорка.

После звонка с единственного в этот день урока я быстро прощаюсь с Марьей Ивановной, и не задерживаясь для знакомства с явно желающим поболтать Алексом спешу домой. Впереди целый учебный год, успею ещё познакомиться.

Придя домой, открываю шкаф с привезёнными с собой к бабуле вещами, и в гневе хлопаю дверцей. Ближе к сентябрю месяцу со мной приключилось горе. Даже не горе – трагедия! Я выяснила, что большинство шмоток стали мне малы.

Кажется, куда уже расти, возраст прошёл, но нет, за лето я вымахала на пару сантиметров и немного раздалась в ширь, так что гардероб явно придётся обновлять. Это в шестнадцать-то лет! Кроме тех блузки и юбки, в которых я ходила на первое сентября и одеть-то особо нечего. Почти всё кроме колготок можно смело нести на помойку!

– Ничего, возьмём мою пенсию, сходим с тобой в торговый центр, – успокаивает меня моя жизнерадостная бабуля. А мне разрыдаться хочется. Не думала, что придётся наряжаться в ширпотреб, чёрт бы побрал мой грёбанный рост, упорно стремящийся к ста семидесяти. Как у мамы.

– Хорошо, – киваю я бабуле. – Купим самое основное – джинсы, пару футболок, постараюсь сильно тебя не напрягать.

– Какая скромная у меня внучка растёт, – улыбается бабуля, доставая из шкафчика свою пенсию. А я грустно улыбаюсь – знала бы бабуля, как ещё полгода назад я транжирила папины деньги.

Что ж, пришла пора стать ещё чуточку ближе к моим новым одноклассникам. И я как на повинность плетусь вслед за бабулей на шоппинг в торговый центр.

Когда мы проходим мимо новостройки, ещё не заселённой жильцами, меня снова накрывает воспоминаниями. Тогда, пять лет назад, на месте этой аккуратненькой высотки был мрачный четырёхэтажный долгострой, в котором тусили местные подростки.

Именно на этом месте я и познакомилась с ним. С мальчиком в капюшоне.

Дорогие читатели, рада видеть вас в своей истории! Добавляйте книгу в свою библиотеку, ставьте лайки, оставляйте комментарии и подписывайтесь на мой профиль, чтобы не пропустить новинки. Именно ваша активность показывает мне и моему Музу, что мы страемся не зря, и вдохновляет на новые проды.

Приятного чтения!

Ваша Настя ♥#

Глава 2. На крыше "заброшки"

Когда пять лет назад вместо запланированного отдыха в Дубаях меня спровадили на лето к бабушке, я негодовала. Да что там негодовала – просто в бешенстве была!

– Как вы могли! – рыдала я в трубку телефона, а папа говорил что-то обтекаемое о том, что так сложились обстоятельства, и одиннадцатилетняя я в гневе бросала трубку. Я чувствовала себя покинутой, представляя, как родители нежатся без меня на песочке и купаются в море. Предатели. Я тоже хочу отдыхать на море, а не в скучной квартире без нормального плазменного телека!

Свою злость я срывала на ни в чём не повинной бабуле – хамила ей, огрызалась, убегала вечерами из дома. До сих пор стыдно за своё тогдашнее поведение.

Чаще всего, убежав в истерике после очередной ссоры, я отправлялась в заброшку-долгострой, находившуюся в пяти минутах ходьбы от бабушкиной хрущёвки. Поднималась по недоделанной лестнице без перил на самый верхний этаж, бесстрашно садилась на край, свесив ноги вниз, и смотрела, как зажигаются огни ночного района.

Так как ругалась я с бабушкой часто, то и в заброшку ходила почти каждый вечер. В один из таких вечеров я и произошло знакомство, повлиявшее на меня и на всю мою последующую жизнь.

Однажды, как обычно свесив ноги над пустотой, я почувствовала, что нахожусь здесь не одна. Испуганно вскочила, отбежала от края крыши. И впервые увидела его. Мальчика в белой толстовке, примерно моих лет, так же как обычно я сидящего свесив ноги вниз.

– Ты кто такой? Ты давно здесь? – громко спросила я, стараясь скрыть свой испуг. Ещё бы, это же я, Стася Белецкая, мне море по колено, я ничего не боюсь! А если боюсь, то не подаю вида и наступаю первой.

Мальчик ничего не ответил, только утвердительно качнул головой в низко надвинутым капюшоне. Я успокоилась, села на привычное место, немного поболтала ногами, и мне стало любопытно.

– Ты где-то недалеко здесь живёшь, да? – спросила я, исподтишка поглядывая в его сторону.

Мальчик снова ничего не ответил, и только его капюшон утвердительно качнулся.

Я больше ничего не стала спрашивать, и оставшиеся полчаса, иди даже час мы просидели в полном молчании. Потом я услышала лёгкий шорох, повернула голову – и увидела удаляющуюся в сторону лестницы без перил фигурку.

– Какой невоспитанный! Даже не попрощался! – возмущённо крикнула я ему вслед, но он снова ничего не ответил.

– Стася, где ты была? – взволнованно спросила бабуля, когда я наконец вернулась домой.

– Сидела на крыше заброшки! – с восторгом сообщила я.

– Оттуда такой классный вид! Весь наш район видно!

Бабуля, разумеется, перепугалась, заохала, заахала, и взяла с меня клятвенное обещание больше никогда туда не ходить. Я пообещала, но после первой же ссоры снова сбежала на край любимой крыши.

Он уже был там. Так же как в прошлый раз сидел, надвинув капюшон, и опустив голову вниз.

– Привет, – негромко поздоровалась я.

Мальчик в капюшоне ничего не ответил. Я присела на край крыши, свесив ноги вниз, пару минут посидела молча. Надоело.

– Я с бабушкой поругалась, – нерешительно сказала я.

В ответ вновь молчание.

– Она меня так бесит! Заставляет есть свою дурацкую кашу, а ещё заставила пойти умыться, когда я губы накрасила красной помадой – говорит, я ещё маленькая. Ну какая же я маленькая, мне уже одиннадцать! И я могу красить губы, когда захочу!

– Мне тоже одиннадцать, – глухо раздалось из-под капюшона.

Я вздрогнула, и чуть было не упала с крыши, слишком сильно наклонившись вперёд – настолько неожиданной для меня стала реакция до этого полностью безмолвного мальчишки.

– Блин, напугал! – возмущённо вскрикнула я, отодвинувшись подальше от края. – Я уже не ожидала, что ты со мной

заговоришь!

– А меня отец бесит, – мальчик проигнорировал мои возмущения, как будто был на какой-то своей волне. – Толкнул меня сегодня, когда пьяный домой пришёл, я упал, ударился виском об угол стола, фингал теперь на весь глаз.

– Покажешь? – с надеждой в голосе спросила я. Не то чтобы разглядывание синяков было моим любимым занятием, просто мне было очень интересно, кто скрывается под капюшоном, вот я и уцепилась за первую представившуюся возможность.

– Нет, стесняюсь, – капюшон замотался из стороны в сторону, усиливая отрицательный ответ. – Давай лучше просто поговорим о чём-нибудь.

– О чём, например? – я пододвинулась ближе к своему собеседнику.

– О чём-нибудь хорошем. Ты была на море?

– Ага, – кивнула я. – А ты?

– А я нет. Вообще никогда не выезжал из нашего города. Расскажешь, как там, на море? – с надеждой в голосе спросил мальчик.

– Хорошо, – удивлённо согласилась я.

И под постепенно стихающий шум темнеющего под нами района начала рассказывать о том, как мы с родителями ездили в Турцию, в Дубай, в Египет... Мальчик слушал меня молча, и только его белеющий в темноте капюшон иногда покачивался на особенно интересных моментах.

– Ещё поедешь куда-нибудь? – спросил он меня, когда мой поток историй иссяк.

– Не знаю, – грустно ответила я. – Родители этим летом меня бросили, к бабушке отправили. Ненавижу их за это!

– Не стоит, они же тебя любят. Вон во сколько разных стран возили. Меня вот мои никуда не возят, – вздохнул мальчик.

Я осеклась, понимая, что моя злость на родителей выглядит неуместно рядом с этим парнишкой, которого практически бьёт выпивающий отец, и закусил губу.

– А мы раньше летом к бабушке в деревню ездили, – даже несмотря на скрывающий лицо моего собеседника капюшон я чувствовала, что он улыбается. – Там было хорошо. Малину собирали, смородину, крыжовник, бабушка варенье варила...

– А почему теперь не ездите? – спросила я.

– Бабушка умерла прошлым летом, – спокойно ответил мальчик.

А мне стало не по себе. Я тут ною, какая у меня плохая жизнь, а у человека бабушка умерла!

– Сочувствую, – только и смогла выдавить из себя я. Тогда я не знала, что нужно говорить людям в таких ситуациях. Хотя, на самом деле, до сих пор не знаю, хотя уже до шестнадцати лет дожила.

– Спасибо, – ответил мальчик. – Когда мы её хоронили, я плакал. А теперь уже не плачу, просто вспоминаю, какой

она была хорошей. У тебя уже умирал кто-нибудь?

– Нет, – как будто стыдясь своего ответа, сказала я. Мне было неловко оттого, насколько благополучной я была по сравнению с моим безымянным собеседником.

– Это хорошо, – сказал мальчик, неспешно поднимаясь с посыпанного штукатуркой бетонного пола. – Пойду я, домой мне пора. А то мамка опять кричать будет, что до ночи шляюсь. Ты пойдёшь, или ещё здесь посидишь?

– Не, тоже домой пойду, – я тоже поднялась с пола, отряхнула с рук и джинсовых шорт крошки штукатурки и бетона, и пошла к лестнице вслед за хорошо видимой в темноте белой толстовкой.

Мы молча шли по тёмному району, ничего друг другу не говорили, но я чувствовала, что мы вместе, что мы на одной волне. Странное ощущение, больше ни с кем у меня такого не было. Даже когда я изливала душу подругам из первой гимназии, мне больше никогда не удавалось достичь с ними того единения, которое было с этим молчаливым незнакомым мальчиком, с которым мы ничего в этот момент друг другу не говорили.

В те минут пять или десять, которые мы шли вместе по тихой ночной улице, я не нарушала нашего негласного правила, и не пыталась увидеть его лица, о чём теперь очень жалею.

Почему я так и не попыталась снять с него капюшон, посмотреть ему в глаза? Я ведь была такой наглой маленькой

нахалкой, что меня остановило? Его «нет», озвученное всего один раз? Моя детская любовь к загадкам и тайнам?

Вернувшись домой, я застала бабушку чуть ли не в слезах.

– Стася! Ну как так можно! Я же за тебя волнуюсь! Где же тебя носила, невозможный ты ребёнок! – запричитала бабуля, как только я хлопнула входной дверью.

Обычно в таких случаях я начинала говорить, что я уже большая, и что бабуля – не мои родители, но сегодня почему-то не хотелось. Я кинулась бабушке на шею, и разрыдалась, чем порядком шокировала ожидающую от меня хамства или оправданий бабулю.

– Ну что ты, Стасенька, не плачь, всё хорошо, я же на тебя не сержусь, просто волновалась за тебя, – бабуля гладила меня голове, и покачивала в объятьях, будто убаюкивая. – Хочешь, пойдём чайку попьем?

– Бабушка, ты ведь не умрёшь? – сквозь слёзы спросила я, когда бабушка усадила меня за кухонный стол.

– Ну конечно же нет, Стасенька, как тебе в голову такое могло прийти! Я ещё очень долго буду с тобой, не плачь, – бабушка вытерла с моего лица слёзы. – Сейчас чайку попьем, и всё у нас будет хорошо, вот увидишь!

Бабушка налила мне чай в самую красивую чашку с голубыми цветочками, положила передо мной вазочку с печеньками, села напротив меня, и принялась рассказывать. О своём детстве, о том, какой была в детстве моя мама, о том, как она впервые увидела маленькую меня, свою любимую внучку.

Я пила чай, закусывала печенками, и думала о том, как много мне дано. Мои родители меня любят, хотя почему-то и бросили этим летом. Моя бабуля жива, и, если верить её обещаниям, ещё долго будет со мной. У меня счастливая жизнь, и нет никакого права на неё жаловаться, думала я, сидя в ту ночь на бабушкиной кухне.

Знала бы одиннадцатилетняя я, насколько ошибалась...

Глава 3. Первый учебный день

– Антон, я так понимаю, первое сентября вы решили проигнорировать?

Оглядываюсь туда, куда направлен взгляд моей новой классной, и вижу за последней партой моего первого ряда худого сероглазого парня с кольцом в левом ухе. У них тут что, поветрие на пирсинги? В моём прошлом классе такого не было. Да и крашенных в малиновый цвет парней тоже не наблюдалось – у соседа по парте того, кого называли Антоном, малиновые волосы.

– Иванов скинул мне расписание, – равнодушно отвечает Антон, кивая на своего яркого соседа. И утыкается в учебник, за которым, судя по его заинтересованному взгляду, лежит телефон. Думаю, моей новой классной это тоже понятно, но никаких действий по воспитанию Антона она не предпринимает, просто как ни в чём не бывало начинает объяснять тему урока. Кажется, Антон из тех, на кого давно махнули рукой. Сидит тихо, и уже хорошо.

Я разворачиваюсь, и всю оставшуюся часть урока прилежно выполняю упражнения, с интересом глядя на одноклассников, которых Марья Ивановна вызывает к доске.

Упражнение номер один. Худая высокая девчонка с выжженными белыми волосами и ярко подведёнными глазами, Яна Ковалёва. Не ошибусь, если предположу, что характер

у неё стервозный. Кажется, это она заступалась на классном часе за отсутствующего Антона.

Упражнение номер два. Андрей Иванов, пацан из-за последней парты, тот что с малиновыми волосами. Ленивый увалень, надеющийся исключительно на подсказки одноклассников или сжалившейся над его тупостью классухи.

Упражнение номер три. Руфина Муратова, бойкая кареглазая девушка с русым каре, единственная из троих вызванных к доске быстро справившаяся с заданием, и наиболее симпатичная мне из этой троицы.

– Что, на Руфинку запала? – сосед по парте будто читает мои мысли. – Она, конечно, симпатичная, но у неё парень есть, так что не надейся.

– Алекс, ну и бардак у тебя в голове, – недовольно шиплю я. – Пришло же тебе такое на ум!

– Ну а что, откуда мне знать, что ты не по девочкам, – хихикает мой сосед. – Вот и решил сразу проверить, стоит ли мне смотреть в твою сторону...

– Рошин, у вас там что-то интересное? А мы вот домашнее задание записываем, – Марья Ивановна насмешливо смотрит в нашу сторону. – Оставьте ухаживания до перемены, и откройте уже дневник!

– Хорошо, Марья Ивановна, уже открываю, – Алекс опускает свои нахальные серо-зелёные глаза, и покорно склоняется над партой, делая вид, что что-то открывает и записывает.

Я демонстративно от него отворачиваюсь – не нравятся мне такие шуточки. Со мной так нельзя, пусть побережёт свои дурацкие подкаты для одноклассниц. Записываю упражнение, заданное на дом, и вновь погружаюсь в свои мысли.

Интересно, мог бы мой мальчик в капюшоне вырасти в такого хохмача, как Рошин? Почему нет. К тому же вдруг вся эта хохма – напускное? Вдруг за ней и правда скрывается тот, с кем я в детстве коротала вечера на крыше «заброшки»?

Резкий школьный звонок выводит меня из раздумий, я кладу учебник и тетради в сумку, и вслед за одноклассниками отправляюсь в кабинет истории. Готовлюсь к уроку, выхожу в коридор, и иду в самый его конец, к синей облезлой двери женского туалета. Но внезапно на моём пути оказывается препятствие в виде вытянутой длинной ноги в белой кроссовке.

Поднимаю взгляд и вижу свою одноклассницу Яну Ковалёву в компании Руфины Муратовой. Вот уж не думала, что эти двое подруги. Одна типичная стервозная троечница, вторая типичная хорошисточка. Интересно, что им от меня нужно? Решили до новенькой докопаться?

– Куда прёшь, глаза разуй, – огрызается Яна, когда я пинаю её ногу и прохожу к заветной двери.

– Извини, не заметила, – мило улыбаюсь – Надеюсь, я не сделала тебе больно?

– Вот же стерва, – Яна направляется ко мне, с явным же-

ланием вцепиться мне в волосы или расцарапать лицо.

Прижимаюсь спиной к двери туалета, и ловлю на себе любопытствующий взгляд смышлёных карих глаз Руфины. Не удивлюсь, если докопаться до меня было её идеей. Ничего, вы у меня получите. Обе. Только попробуйте троньте...

– Янка, оставь эту мажорку в покое, пойдём лучше в столовку сгоняем, – подёргивая себя за кольцо в ухе, к нам подходит Антон. – Успеешь ещё ею заняться, школьный день длинный.

– Ладно, – неожиданно колючий взгляд Яны смягчается, она отворачивается от меня, и широко улыбается однокласснику. Тот закидывает руку ей на плечо, и сладкая парочка направляется прочь от женского туалета по направлению к школьной столовой.

Что это вообще такое было? Этот тип меня что, типа спас? Да ну, бред какой-то. Наверное, и правда хотел позвать стержочку полакомиться столовскими пюрешками и котлетками.

– Руфинка, пойдёшь с нами? – проходя мимо подруги, Яна тянет её за руку.

– Нет, мне надо к уроку готовиться, – сухо отвечает Руфина, высвобождая тонкие пальцы. Провожает сладкую парочку недовольным взглядом, и идёт в кабинет – судя по всему, с Антоном она не общается.

– Что от тебя Янке было нужно? – как только я выхожу из туалета, отряхивая мокрые руки (конечно же одноразовых полотенец в туалете нет), ко мне подходит взволнованный

Алекс. За меня что ли переживает?

– Без понятия, – пожимаю плечами я. Жаловаться Алексу на одноклассниц в мои планы не входит.

– Если будет докапываться, скажи мне, – симпатичный сосед по парте улыбается мне во все тридцать два зуба. – Я её мигом на место поставлю!

– Думаешь, она тебя послушается? – интересуюсь я, заходя в кабинет, в котором уткнувшись в учебник за первой партой одиноко сидит Руфина.

– Куда она денется, – Алекс галантно отодвигает мой стул. – В нашем классе Ярцев и Ковалёва на самом плохом счету.

– Ярцев? Кто такой Ярцев? – я сажусь за парту, и начинаю готовиться к уроку.

– Да Антон, кто же ещё. Учатся они с Ковалёвой хреново, характеры тоже не подарок, родителей в школу постоянно вызывают, но те не приходят – говорят, за воротник закладывают. Этих двоих вообще в десятый брать не хотели, Марья Ивановна директрису уговаривала дать им шанс, – развалившись на стуле рассказывает Алекс.

– Всё настолько плохо? – я достаю из сумки учебник и тетрадь по истории.

– И не говори. Ярцев почти весь девятый класс прогулял, а Ковалёва не в зуб ногой ни по одному предмету. Говорю же, на самом плохом счету. И у учителей, и у одноклассников. Правда же, Руфина? – обращается Алекс к зубрящей что-то однокласснице.

– Есть такое, – Руфина отрывается от учебника. – Что, Рошин, посвящаешь новенькую в особенности иерархии нашего класса?

– Конечно, если не я, то кто же, – улыбается Алекс, Руфина усмехается и вновь утыкается в учебник. Кажется, у них с Алексом неплохие отношения.

– Так вот, Стася, если хочешь знать, с кем в нашем классе стоит иметь дело, слушай меня. Я тут всех хорошо знаю, хотя нас и сливали из трёх классов в один, – продолжает лекцию Алекс.

– Так мало людей в десятый пошло? – удивляюсь я. В моей первой гимназии десятых классов было столько же, сколько и девятых!

– Да, остальные по шарагам разбрелись, – кивает Алекс. – Так вот, я из нашего класса тусуюсь с Морозовым, с Руфинкой, ещё с парой хороших людей...

Звонок на урок прерывает моего словоохотливого соседа, он лезет в портфель и начинает готовиться к уроку, а я смотрю на рассаживающихся по своим местам новых одноклассников, и вновь задумываюсь о том, мог бы Алекс быть тем мальчиком из моего детства, или я просто хочу себя в этом уверить, потому что Алекс забавный и симпатичный.

– Начнём с повторения, – бодро начинает урок молоденькая коротко стриженная учительница истории, Елена Владимировна. – Посмотрим, все ли знания выветрились из ваших голов за лето, или всё же немного ещё осталось. Рошин, на-

зовите мне имя императора, при котором произошла отмена крепостного права.

– Эм-м... – мой сосед задумчиво заводит глаза в потолок. – Елена Владимировна, ну чего вы так быстро то! Второй урок всего, не проснулись ещё толком, а вы сразу такие сложные вопросы задаёте!

– Привыкайте, Рошин, – улыбается Елена Владимировна.
– Так кто отменил крепостное право?

– Ну...

– Александр II, тупица, – раздаётся насмешливый голос откуда-то с последний парты.

Я оборачиваюсь, и вижу довольную ухмылку Антона. Кажется, затруднение моего соседа по парте знатно его радует.

– Ярцев, если хотите ответить, поднимайте руку, – строго говорит Антону Елена Владимировна, и продолжает опрос.
– Ковалёва, скажите мне, в каком году Александр II отменил крепостное право?

– Ты же говорил, Ярцев учится хреново? Что-то не похоже, – тихонько подкалываю я Алекса, пока Ковалёва так же, как минуту назад мой сосед, заводит глаза и усиленно размышляет над ответом.

– А он и правда учится хреново. Его редкие выкрики не в счёт, это так, чисто чтобы выпендриться, – недовольно бурчит Рошин. Кажется, фиаско с Александром II его не радует.

А я вот знала правильный ответ, люблю уроки истории. После школы собираюсь пойти на юридический, а там исто-

рия – один из обязательных для сдачи предметов.

Вообще, я такой типичный гуманитарий. История, обществознание, русский – это те предметы, которые мне нравятся и даются легко. С алгеброй, геометрией и химией всё немного сложнее, когда училась в первой гимназии, даже с репетиторами занималась.

– Ярцев, успокойтесь вы сегодня или нет? То выкрики, то подсказки, – Елена Владимировна вновь делает замечание Антону. Кажется, теперь я понимаю, почему его родителей часто вызывают в школу. Урок только начался, а он уже пару раз успел отметить.

– Я спокоен, как пульс покойника, – ёрничает Ярцев.

А он не так-то прост, Маяковского вот цитирует. Может ли он оказаться моим мальчиком в капюшоне? Вполне. Так же, как добрая половина моих одноклассников, ведь с тех пор столько лет прошло, а лица его я не видела.

Закончив с опросом, Елена Владимировна начинает объяснять новую тему, а я вновь предаюсь воспоминаниям о детстве, поэтому урок пролетает для меня быстро и незаметно. Впрочем, как и все остальные четыре урока. Я добропорядочно пишу лекции, решаю уравнения, и, наконец, иду домой.

Вернувшись из школы, я делаю то, что собиралась сделать ещё вчера, но так и не решилась – собираю по пакетам ставшие маленькими любимые брендовые шмотки, чтобы вынести их на мусорку.

В процессе освобождения шкафа для новых вещей, купленных с бабушкой в ТЦ, снимаю забавный «тикток» на тему «Когда все вещи стали малы» – прикладываю к себе свои любимые шмотки и делаю то страшные, то грустные глаза. Надеюсь, мои подписчики заценят.

Выношу пакеты, пью чай с любимой бабулей, и от нечего делать сажусь за уроки. Репетиторов мне теперь никто не будет нанимать, нужно самой вывозить. Успеваю решить парочку упражнений по алгебре, прежде чем меня отвлекает пришедшее на телефон сообщение. Пишет Рошин, спрашивает, чем занимаюсь. Отвечаю, что делаю алгебру, он присылает одобрительный смайлик, пишет, что скоро тоже за уроки засядет.

Улыбаюсь – кажется, жизнь на новом месте начинает налаживаться.

Глава 4. Расскажи мне о море

Весь первый учебный день я вплоть до звонка с последнего урока предавалась воспоминаниям о безымянном друге из моего детства. Все последние годы я старалась о нём не думать, старалась его забыть. Но когда я переехала к бабушке и пошла в новую школу, воспоминания нахлынули на меня бурным потоком, и монотонные голоса учителей были явно не тем, что способно его остановить.

Он многое изменил во мне. Благодаря ему я стала вдумчивее, научилась смотреть вокруг и ценить то, что мне дано.

Именно дружбе с мальчиком в капюшоне я должна быть благодарна за те хорошие отношения с бабулей, которые есть у меня сейчас. Поняв, что могу её потерять, я стала бережнее к ней относиться, начала больше слушать, стараться понять её точку зрения. Мы стали проводить вместе время – смотреть старые советские фильмы – про Шерлока, про кавказскую пленницу, вместе готовить – бабушка научила меня печь печенье и ещё парочке несложных рецептов.

Маленькая разбалованная девочка начала помогать по дому – поливать цветы, выносить мусор. И за всё это моя бабуля должна была бы поблагодарить мальчика в капюшоне, знай она о его существовании.

Тогда, пять лет назад, иметь друга, лица которого я не видела и имени которого я не знаю казалось мне очень занят-

ным и необычным. Я могла представлять его себе как угодно, и представляла в виде темноволосого зеленоглазого мальчика, похожего на Гарри Поттера. Мне нравилось, что у меня есть такой необычный друг, и я не стремилась узнать его имя или увидеть его.

Наверное, ему тоже казалось забавным иметь подругу, которая не знает, как он выглядит. Иначе, почему он тогда никогда не показывал мне своего лица? Не говорил, как его зовут, и не спрашивал моего имени?

Тот поздний вечер, когда он впервые рассказал о своих увлечениях, запомнился мне особенно хорошо. Я отправилась на крышу чуть раньше, чем обычно, и очень обрадовалась, увидев знакомый капюшон.

– Привет! Я уже соскучилась по тебе, – я подошла к стоящему у края крыши мальчику и обняла его со спины. Он вздрогнул от неожиданности, но руки мои не убрал.

– Я тоже, – его руки легли поверх моих. – Расскажешь мне о море?

– Я ведь тебе уже всё рассказала, – удивилась я. – Что ещё хочешь узнать?

– Расскажи, какое оно, – попросил мальчик.

– Ну, оно тёплое, – я закрываю глаза, погружаясь в приятные воспоминания. – Под ногами песок, он тоже тёплый, нагретый горячим солнцем. Подходишь ближе к воде, и море начинает то накрывать ноги тёплыми волнами, то снова отступать назад, будто играет с тобой.

– Повезло тебе, – вздохнул мальчик. – Я такое только в фильмах видел, но это, конечно, совсем не то. Вживую на-верняка в разы круче!

– А какой у тебя любимый фильм? – спросила я, разомкнув объятия, и усаживаясь на край крыши, как мы обычно сидели во время наших разговоров.

– Мне нравится про человека-паука. Хотел бы себе такой костюм! А тебе какой фильм больше всего нравится? – мальчик тоже уселся на край крыши.

– Про Гарри Поттера! Хочу себе волшебную палочку, как у него! – я взмахнула рукой, подражая любимым героям поттерианы.

– От волшебной палочки я бы тоже не отказался, – даже не видя лица своего собеседника я поняла, что он улыбается.

– Я тебе о море рассказала. А что ты мне сегодня расскажешь? – я поболтала ногами в воздухе.

– Хочешь расскажу, какую книжку сейчас читаю? – неожиданно спросил мальчик.

– Ты читаешь книги? Которые в школе задали? – удивилась я.

Меня бабуле приходилось заставлять читать книжки, заданные на лето, (и у неё это очень плохо получалось), а тут человек по своей воле читает!

– Нет, у родителей есть библиотека, иногда нахожу в ней для себя что-нибудь интересное.

– Тогда Расскажи, хочу узнать, что ты читаешь! – бодро

потребовала я.

– Сейчас я читаю книгу о собаке, по имени Джерри. В этой книге везде много моря – Джерри сначала живёт на острове в Тихом океане, потом на корабле, потом на другом острове с аборигенами, потом снова на корабле, уже с новыми хозяевами... У меня не получается рассказывать так интересно, как там написано, хочешь, лучше принесу тебе книгу?

– Давай, – неожиданно для себя самой согласилась я.

Тогда я ещё не любила читать, но мальчик так увлечённо рассказывал, что мне захотелось прочитать те же строки, что читал он, погрузиться в тот же мир, что захватывал его ум и воображение. Узнать, что же его так зацепило.

Сама того не понимая, я впервые влюбилась, и мне хотелось узнавать о нём как можно больше. Узнавать, что ему нравится, о чём он думает, о чём мечтает. Жаль, что при таком интересе к его персоне я не додумалась узнать хотя бы его имя – тогда сейчас мне было бы куда проще его найти.

– Ты хотела бы жить на острове? – спросил меня мальчик после непродолжительного молчания.

– На тёплом? С пальмами? – оживилась я.

– Ага, – белый капюшон утвердительно качнулся.

– Да, главное, чтобы в школу не нужно было ходить, – мечтательно протянула я. – Ненавижу вставать рано утром!

– Давай когда-нибудь, когда мы вырастем, уедем жить на остров! – предложил мне мой безымянный собеседник. – Сбежим от всех, и будем дни напролёт есть кокосы, бананы,

и вставать в обед и ничего не делать!

– Давай! – согласилась я. – И обязательно заведём собаку!

– И назовём её Джерри, – мальчик придвинулся ближе ко мне. – Тебе нравится это имя?

– Нравится, – я осторожно положила свою руку поверх его.

– А кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – мальчик вздрогнул, но руку мою не убрал.

– Я стану моделью или актрисой, – я снова поболтала ногами. – А ты?

– А я пока ещё не решил, но я обязательно поступлю в какой-нибудь институт, – серьёзно сказал мальчик. – У меня есть сосед, он ушёл после девятого класса и поступил в колледж, я так не хочу. Хочу как мама – она институт окончила.

– Мои родители тоже институт окончили, так что я тоже, наверное, в институт пойду, – я смахнула падающую на глаза прядь волос. – Но потом обязательно стану моделью или актрисой!

– Ты красивая, из тебя точно получится модель, – тихо сказал мальчик.

Мне стало неловко от его неожиданного комплимента, и мы ненадолго замолчали.

– А в какой школе ты учишься? – я первой нарушила молчание, сболтнув первый пришедший в голову вопрос.

– В тридцать пятой, – ответил мальчик.

– А я – в первой! Первая звучит куда круче, чем тридцать

пятая! – оживилась я.

– Может быть, – равнодушно пожал плечами мальчик.

Во время наших бесед на крыше он редко когда со мной спорил.

Поздно вечером, когда я шла домой, уже почти возле бабулиного подъезда меня окликнул какой-то мальчишка моего возраста.

– Я видел тебя в нашем дворе, – деловито заявил он. – Познакомимся?

– Нет, у меня есть парень, – одиннадцатилетняя я пафосно прошла мимо него и самодовольно вздёрнув нос бессердечно хлопнула тяжёлой дверью подъезда.

Тогда мне казалось, что иметь парня – это очень круто. А ещё мне казалось, что если мы с мальчиком в капюшоне видимся почти каждый день, значит он и есть мой парень. Вот такая простая логика.

Тогда я ещё не знала, что в жизни всё куда сложнее.

Ночью, лёжа в постели, в очередной раз прокручивая наши с ним разговоры, я представляла, как он снимает свой капюшон, и оказывается невероятным красавчиком с большими зелёными глазами. Засыпала, и мне снилось, как мы с ним приплываем на большой солнечный остров, где спим до обеда, купаемся, загораем, едим бананы, и играем с большой собакой по имени Джерри.

Мне казалось, что те чувства, которые я испытываю к своему безымянному другу, останутся со мной навсегда. Мне

казалось, что мы всегда будем близки и никогда не перестанем с ним общаться, даже когда я вернусь к родителям.

– Я тебе кое-что принёс, – когда мы в следующий раз, как обычно, встретились на крыше, мальчик протянул мне потёртую книгу с морем и кораблём на обложке.

– Спасибо, постараюсь прочитать быстрее, – я взяла книгу в руки. – Когда тебе её вернуть?

– Не торопись, я всё равно уже читал несколько раз, – махнул рукой мальчик. – Если понравится, я тебе ещё могу дать книгу про брата Джерри, Майкла. Она тоже интересная!

Вернувшись домой я сразу же принялась за чтение. Моя бабушка диву давалась, что её не любящая читать внучка по своей воле взялась за книгу, и не могла этому нарадоваться.

– Молодец, Стасенька, книги намного лучше ваших айпадов-айфонов, или как вы их там называете, – бабуля не любила современные технологии, и даже телефон у неё по сей день кнопочный.

– Угу, – кивала я, перелистывая страницы. Книга и вправду показалась мне интересной, у моего безымянного друга был неплохой вкус на приключенческие истории.

Встречаясь с ним на крыше, я с гордостью рассказывала, сколько страниц прочитала за день, он радостно смеялся в ответ, и я понимала, что ему очень приятно, что я читаю его книгу.

Когда шестнадцатилетняя я переехала к бабушке, то вспомнила, что мальчик в капюшоне любил читать, и всерьёз

говорил мне об институте. Поэтому я и была так уверена, что встречу его в единственном в тридцать пятой школе десятом классе. Он не мог передумать. Он не мог предать свою детскую мечту о поступлении в институт.

И я обязательно его найду.

Глава 5. Неожиданное спасение

Я люблю слушать музыку. И десять минут, которые занимает дорога от бабушкиного дома до школы, это отличный повод насладиться композициями любимых исполнителей. Втыкаю беспроводные наушники, включаю любимый плейлист, и не спеша иду на уроки.

«Я просто в тебя втюрилась, втрескалась, вкрашилась...» – звучит в моих наушниках, я люблюсь желтеющими деревьями и наслаждаюсь любимой песней, как вдруг кто-то хватается меня за руку, и со всей дури дёргает на себя!

Возвращаюсь в мир живых, и вижу, как перед моим носом пролетает сумасшедшая серебристая ауди. Это по пешеходному-то переходу! Даже не попытавшись затормозить!

Ошарашенно гляжу вслед машине, испуганно выдёргиваю наушники, оборачиваюсь, и вижу своего одноклассника Антона Ярцева. Хочу было его поблагодарить, но быстро передумываю.

– Глаза разувай, когда к дороге подходишь, мажорка, – мрачно говорит Антон, отпускает мою руку, и, толкнув меня плечом, направляется вперёд по пешеходному переходу.

Нет, вы это видели? Я чуть не упала!

– Придурок! – кидаю я вслед Антону, и он, не оборачиваясь, показывает мне средний палец. Вот за что он меня так ненавидит? Что я ему сделала? Или он так перенапрягся,

спасая меня, что в отместку тут же нахамить решил?

С испорченным настроением иду в школу, сверля взглядом спину Ярцева, шагающего впереди меня, и с ужасом думаю, что не дёрни он меня за руку, я попала бы под машину, и, возможно, меня бы уже не было на свете. Он спас меня! Тогда к чему столько негатива? Не понимаю я его. И уже не удивляюсь тому, что в классе его недолюбливают.

– Алекс, представляешь, я чуть под машину не попала! – придя в школу, я первым делом делюсь своей радостной новостью с единственным более-менее знакомым в этой школе человеком. – Я так перепугалась!

– Ну ты даёшь! С тобой всё в порядке? Как это вообще случилось? – в серо-зелёных глазах одноклассника сквозит тревога.

– Да шла в наушниках, не заметила машину. Меня Ярцев спас, – я ставлю свою сумку на подоконник рядом с ранцем Алекса – до урока минут пять, и учитель пока ещё не открыл кабинет.

– Водители совсем ненормальные пошли! – эмоционально реагирует Алекс. – Попадись мне этот водила – настучал бы ему по башке!

– Тебя спас Ярцев? Вот уж не замечала за ним человеколюбия, – Руфина ставит свою сумку рядом с нашими. – Мне казалось, ради одноклассников эта злюка и пальцем не пошевелит. Оказывается, ничто человеческое ему не чуждо.

– Да ладно тебе, Руфинка, Антон хороший парень, не по-

нимаю, за что ты его так не любишь? – к нам подходит Яна Ковалёва. – Вот новенькую спас от ненормального водилы, и мне всегда помогает, на уроках подсказывает.

– Ой, эти подсказки его исключительно ради самоутверждения, – Алекс недовольно морщит нос. – Не удивлюсь, если он и Стасю спас чтобы потом этим бахвалиться!

– Да ладно тебе, Рошин, кому он будет бахвалиться? Он же ни с кем кроме меня и Ковалёва не общается! – Яна тычет Алекса кулаком в бок. – Не придумывай глупостей!

– Руфинка, Алекс, привет, – к нам подходит невысокий темноволосый парнишка в красной рубашке. – Представьте меня мадмуазель новенькой?

– Стася, это Женёк Морозов, Женёк, это Стася, – улыбается Алекс. – И только попробуй к ней подкатить, будешь иметь дело со мной!

– Вообще-то я девушка свободная, – напоминаю я своему соседу по парте. Что-то меня начинает напрягать его настойчивость в отношении моей персоны, общается со мной так, как будто мы давно знакомы и чуть ли не встречаемся! Или мы и правда давно знакомы? И этот красавчик с серо-зелёными глазами и есть мальчик в капюшоне из моего детства?

– Понял-принял, пока только друзья, – ёрничает Рошин

– Классная рубашечка, – Руфина заботливо поправляет Женьку воротничок. – Не бойшься, что Марья Ивановна домой переодеваться отправит?

– Поход домой во время уроков ещё никому не повредил,

– ухмыляется Женёк. – Я как раз алгебру не сделал, надо будет перед алгеброй перед классухой покрасоваться, может, и правда домой отправит...

– Училка идёт, сейчас дверь откроет, – Алекс хватается с подоконника свой ранец. – Залетаем!

Следуя примеру Алекса, мы берём свои сумки и ранцы, учительница географии открывает кабинет, мы заходит, рассаживаемся по своим местам, и я исподтишка бросаю взгляд на проходящего мимо моей парты Ярцева. Может ли этот странный нелюдимый тип быть моим мальчиком в капюшоне? Боже упаси. Не хотела бы я, чтобы он вырос в такого хама.

Весь урок мне кажется, что кто-то сверлит взглядом мой затылок, но, когда я оборачиваюсь, не вижу ничего подозрительного. Сидящий за последней партой Ярцев сосредоточенно смотрит в учебник, за которым спрятан телефон, остальные одноклассники тоже мной не интересуются. Может, от стресса я стала слишком мнительной?

– Что-то потеряла? – тихонько спрашивает Рошин, я отрицательно мотаю головой, и начинаю сосредоточенно записывать то, что диктует учительница.

На переменах Ярцев как обычно тусуется с Ивановым и Ковалёвой, не обращая на меня ни малейшего внимания, и я плачу ему той же монетой – зависаю с Алексом, Руфиной и Женьком, которые и правду начинают казаться мне неплохими ребятами.

Алекс травит анекдоты, Женёк рассказывает весёлые истории из жизни класса, мы с Руфиной смеёмся, и мне начинает казаться, что я не новенькая, а давным-давно учусь в этой, в общем-то, не такой уж и плохой школе.

Вплоть до последнего урока мне кажется, что кто-то на меня пристально смотрит, и я воспринимаю это как знак того, что мне всё же нужно поблагодарить мизантропа Антона Ярцева за моё спасение.

После уроков Антон быстро хватает сумку, и в числе первых выходит из кабинета, но ему не отвертеться от меня настолько легко!

– Антон, – я бегу вслед за одноклассником. – Прости, я тебя так и не поблагодарила!

– Не стоит благодарности, – Антон оборачивается, и смотрит на меня своими холодными серыми глазами как на пустое место. – У тебя всё?

– Зачем быть таким грубым? Я тебе что-то сделала? – недоумеваю я.

– А сама как думаешь? – криво усмехается одноклассник.

– Ты мне скажи, – я делаю шаг навстречу, подходя к нему почти вплотную.

– Ничего ты мне не делала, мажорка. И не сделаешь. Не лезь ко мне, – с совершенно безэмоциональным лицом Антон разворачивается ко мне спиной, и сбегает по лестнице на первый этаж.

– Придурок, – так же, как после неожиданного спасения,

бросаю я в спину однокласснику. Вот чего он такой злюка? Я же по-хорошему хотела!

– Хамло, правда? – я не замечаю, когда ко мне успевает подойти Алекс.

– И не говори, – киваю я.

Бесит меня этот заносчивый Ярцев! Бесит, как никто ещё никогда не бесил. Хочется во что-то вложить это чувство – например, поприседать напротив зеркала в своей комнате, побегать вокруг бабушкиного дома, или наорать на кого-нибудь.

– Проводить тебя? – улыбаясь, спрашивает Алекс.

– Ну, так и быть, проводи, – нервно смеюсь я. – Тебе в какую сторону?

Спускаемся с на первый этаж, выходим из школы, и не спеша идём домой. Выясняется, что нам в одну и ту же сторону, так что и в будущем со школы можем ходить вместе.

Симпатия Алекс с его большими серо-зелёными глазами заставляет меня забыть о грубияне Ярцеве и настраивает на позитивный лад – я смеюсь над его шутками, и мне перестаёт хотеться на кого-нибудь наорать или пробежать кросс по району. Сама не замечаю, как мы доходим до моего дома.

– А я в соседнем живу, – Алекс кивает на дом напротив бабулиного. – Можем теперь и в школу вместе ходить!

– Ладно, тогда завтра пиши, когда будешь выходить из квартиры, – соглашаюсь я.

В компании Алекса мне точно не грозит из-за невнима-

тельности попасть под машину!

– Кстати, вечером я обычно с собакой гуляю, хочешь как-нибудь составить нам компанию? – закидывает удочку словоохотливый обаятельный одноклассник.

– У тебя есть собака? Как её зовут? – оживляюсь я. Люблю животных, но из-за маминой аллергии на шерсть мы никогда никого не заводили. Хитрый одноклассник явно знает, как вытащить девушку на прогулку!

– Её зовут Джерри, – расплывается в улыбке Алекс. – Она очень забавная и ласковая, любит новых людей, вы обязательно должны познакомиться и подружиться!

– Хорошо, можем как-нибудь вместе погулять. Но учти – только как друзья, – строго заявляю я.

– Как друзья, – передразнивает меня Алекс, и я отвешиваю ему дружеский подзатыльник.

Расходимся по домам, я рассказываю бабушке о том, как прошёл мой учебный день, за исключением момента с машиной – зачем ей зря волноваться, и иду в свою комнату. Залезаю в ящик стола и достаю оттуда потрёпанную книгу с морем и кораблём на обложке. «Джерри-островитянин» – шёпотом читаю я название. Джерри. Его собаку тоже зовут Джерри.

Шансы на то, что мой мальчик в капюшоне это Рошин повышаются.

Пусть это будет Рошин, я очень хочу, чтобы это был он. У него серо-зелёные глаза, почти как у мальчика из моих

фантазий, а ещё он выглядит счастливым человеком. Я бы очень хотела, чтобы мальчик из моего детства вырос таким.

Вечером до меня в очередной раз пытается дозвониться папа. Раз пять прослушав стоящую у меня на звонке песню «Ты мой краш» я выключаю на телефоне звук и бросаю его на кровать. Как-нибудь без бесед со мной папаша обойдётся. Пусть со своей новой женой общается, она как раз ему в дочери годится, равноценная замена уехавшей жить к бабушке Стасе.

Минут через десять не выдерживаю, беру телефон в руки, вижу всплывшее уведомление о новом сообщении. Думая, что это от папы, собираюсь не читая удалить, но нет, к счастью, это не от папы, а от Алекса.

«Хороших снов, красотка», – пишет одноклассник, и я расплываюсь в улыбке, читая его сообщение.

«Хороших снов, красавчик», – улыбаясь, пишу я ему в ответ.

Не знаю, выйдет ли у меня что-то с Алексом, и стоит ли пытаться, и подходит ли он мне, но почему бы немного не пофлиртовать? Невинный флирт ни к чему меня не обязывает, зато отлично поднимает настроение!

Собирая на завтра школьную сумку, я начинаю представлять, что Алекс оказывается моим мальчиком в капюшоне, представляю, что мы с ним влюбляемся друг в друга, начинаем встречаться... И дурацкая улыбка не сходит с моего лица на протяжении всех сборов.

Глава 6. Предательство

Укладываясь спать, я вновь начинаю вспоминать свою дружбу с мальчиком в капюшоне. Моя голова лежит на подушке, тело под одеялом, но сон ко мне совершенно не идёт. Мой мозг вне зависимости от моего желания прокручивает сцены нашей недолгой дружбы, и я сама не замечаю, как начинаю улыбаться, вспоминая светлые моменты, и как к моим глазам подступают слёзы, когда память подкидывает то, что лучше бы и не вспоминать.

Мы не называли друг другу своих имён. Мы вообще почти ничего не знали друг о друге – ни имён, не фамилий, ни места жительства. Просто встречались поздними вечерами на краю крыши заброшки-недостроя, сидели в метре друг от друга, свесив ноги с крыши, и делились своими детскими радостями и печальями.

Печалей было больше.

– Папка вчера снова пришёл домой пьяным, – не изменившимся голосом рассказывал из-под капюшона мой безымянный друг – С мамкой ругался, она кричала, что уйдёт от него со мной, если пить не бросит, мне надоело это слушать, и я сюда сбежал, подальше от них.

– А чего он так?

– С работы уволили, и он запил, – не изменившимся тоном ответил мальчик.

– Сочувствую. А мне снова родители звонили. Говорили, что совсем скоро заберут меня домой, бла-бла-бла. Врут они, я уверена! Наверняка где-нибудь на морях от меня отдыхают, предатели!

– Если они заберут тебя, мы ведь перестанем общаться, да? – грустно спросил мальчик.

– Почему? Мы ведь сможем обмениваться номерами телефона. Будем звонить друг другу! – с жаром ответила я.

Я уже не представляла свою жизнь без своего безымянного друга, и даже уже придумала, как запишу его в телефонной книге, когда при прощании мы обменяемся номерами. Конечно же он будет записан как «Мальчик в капюшоне».

– Но у тебя ведь дома наверняка куча друзей, что если ты обо мне забудешь? – мальчик предполагал самое худшее, но в его голосе надежда на то, что оно не сбудется.

– Не говори глупостей! Я никогда о тебе не забуду! – пообещала я.

– Я о тебе тоже, – пообещал мальчик.

Не знаю, как он, а я сдержала обещание. Я до сих пор его помню. И воспоминания о том, как мы проводили время на крыше давят меня чувством вины и вызывают во мне бесильное желание изменить произошедшее в тот день, в который я в последний раз видела своего безымянного друга.

В тот день прижав к груди прочитанную книгу о собаке по имени Джерри я как обычно отправилась на крышу заброшки-долгостроя. Уже почти поднявшись, услышала чьи-то го-

лоса и остановилась. Прислушалась.

– Малой, ты чего здесь забыл? – угрожающе раздалось с крыши.

Я тихонька поднялась повыше, и увидела компанию из шести-семи пацанов, кого-то моего возраста, кого-то постарше, окружившую моего друга, одиноко стоящего на краю крыши.

– Ты чо, оборзел? Я сказал, поясни мне, что ты тут забыл? – вновь угрожающе спросил самый старший пацан, чья широкая спина полностью закрывала от меня моего мальчика, не знаю, в капюшоне или без.

– Ничего, – тихо ответил мальчик. – Дайте пройти, я уйду.

– Куда собрался, мы ещё не договорили, – с наездом сказал пацан, и толкнул моего друга. Мальчик упал на бетонный пол почти возле самого края крыши, я увидела, как пацан пнул его ногой, и услышала крик.

Я испуганно охнула, пацаны обернулись – меня заметили. Сильнее прижав к груди книгу я со всех ног бросилась вниз по лестнице, пулей вылетела из заброшки, отбежала от неё на приличное расстояние и только тогда перевела дух, поняв наконец, что за мной никто не гонится. Мои коленки тряслись, зубы стучали, никогда мне ещё не было так страшно!

Я представила, что они могли бы сбросить меня с той крыши, в страхе закрыла глаза и помотала головой, отгоняя от себя эти страшные фантазии.

Я должна была как-то помочь мальчику в капюшоне – рас-

сказать бабушке, позвать кого-то из взрослых. Но я ничего не сделала. Я вспомнила, что бабушка запрещала мне ходить в заброшку, и в моей глупой детской голове страх того, что бабушка узнает о моих похождениях пересилил голос совести, говорящей, что я должна помочь другу.

И я предала его. Я ничего не сделала. Просто забежала домой, спрятала книгу в ящик стола, засунула голову под подушку, и сделала вид, что ничего не произошло.

Через пару дней родители забрали меня домой, и я больше никогда не встречала мальчика в капюшоне. В те пару дней, что я провела у бабушки перед отъездом, я порывалась пойти на крышу, хотела удостовериться в том, что с ним всё в порядке. Но мне было стыдно. Я представляла, что он обвинит меня в том, что я убежала, а убежав, не позвала никого на помощь, назовёт предательницей.

Ведь он наверняка меня видел. Знал, что я поднималась в тот день на крышу. Поэтому я так и не смогла туда вернуться. Не попыталась с ним поговорить, не попросила прощения. Вдруг он бы меня простил меня? Этого я уже не узнаю.

Именно поэтому сейчас, когда я уже десятиклассница, мне стыдно напрямую спросить Рощина, он ли это. Он ли тот самый мальчик в капюшоне, с которым я сидела на крыше и болтала обо всём на свете.

Я боюсь, что если он меня узнает, он не за что не захочет со мной общаться. А я так сильно хочу его вернуть! Хочу вернуть те дни, когда мы были друзьями. И вернуть книгу о

собаке по имени Джерри, которая так и осталась у меня... Но тогда он точно поймёт, что я та сама девочка, предавшая его. Поэтому я не собираюсь возвращать книгу, и просто надеюсь, что он – это Алекс Рошин, хозяин собаки по имени Джерри.

Ведь это будет значить, что после того, как мы перестали общаться, у него всё сложилось хорошо, и моё чувство вины хотя бы ненадолго сможет оставить меня в покое. Потому что с тех пор, как я бежала с той крыши, оно почти всегда было со мной.

Тогда, пять лет назад, я не думала, что это будет так. Я думала, что вернусь к привычной жизни, и забуду мальчика в капюшоне и лето у бабушки как дурной сон.

Мне казалось – вернусь домой, и всё пойдёт так, как было раньше. Я прощу родителей за то, что так бессердечно кинули меня на всё лето, мы снова будем семьёй, будем вместе проводить выходные, по будням мама будет возить меня на фигурное катание, которое я так любила.

Всё будет как раньше, и я быстро забуду о том, как предала своего безымянного друга.

Но так, как раньше не получилось. Родители что-то темнили, не договаривали, мама постоянно где-то пропадала и больше не следила за моим режимом, что очень важно для профессионального спорта. Я до ночи играла в комп и смотрела сериалы, вставляла разбитой, опаздывала на тренировки.

Мой сбитый режим сказался на тренировочном процессе

– я понимала, что девочки из группы начинают меня обгонять, злилась, и мои занятия фигурным катанием как-то сами собой сошли на нет. Кажется, мама этого даже не заметила – только отстранённо кивнула, когда я сказала ей, что больше не буду кататься.

Она вообще стала какой-то отстранённой – не ругала меня за тройки, которых стало больше, чем обычно, почти не хвалила за пятёрки.

– Ты больше меня не любишь! – в истерике кричала я. Мама уверяла меня, что это не так, но я ей не верила.

Забыть о предательстве у меня тоже не получилось. Ложась поздней ночью с красными от игр и сериалов глазами, я долго не могла уснуть, вспоминая, как тёмными вечерами на крыше мы болтали обо всём на свете, делились всеми своими радостями и печалью. Я накрывала голову подушкой, пытаясь забыть его крик, когда самый крупный пацан из компании окруживших его придурков пнул его ногой.

Я пыталась забыть, как позорно убежала, а потом побоялась позвать кого-то на помощь по совершенно дурацкой нелепой причине – чтобы бабушка не узнала, что я хожу в ту заброшку. Я, не боящаяся хамить бабуле, побоялась того, что она меня отругает и запретит выходить гулять, если узнает, что я хожу в заброшку! Где была моя логика и здравый смысл, где была моя совесть!

Я ночами плакала, представляя, как сильно те пацаны могли его избить. Я плакала, вспоминая, как несколько раз

ходила кругами вокруг заброшки, но так и побоялась подняться на наше место. Чего я боялась? Того, что застану там тех пацанов? Того, что застану там мальчика в капюшоне, и он назовёт меня предательницей? Думаю, всего сразу.

Я плакала из-за того, что больше никогда его не увижу. Не смогу попрощаться, не смогу попросить у него прощения. И моё первое детское предательство навсегда тяжёлым камнем легло на моё сердце.

А ещё я наконец узнала, что случилось с моей мамой. Рак. У неё нашли рак. Поэтому родители отправили меня на лето к бабушке, поэтому мама полностью забила на мою учёбу и мои тренировки. А не по тому, что хотела покупаться в море без меня или перестала меня любить.

Мамы не стало, когда я училась в девятом классе. Тогда же я узнала, что всё то время, когда мама боролась со своей болезнью, у папы была другая женщина, намного младше мамы.

После маминой смерти он почти сразу же привёл её в наш дом. Предал память о маме, предал меня. И поэтому я ушла. Закончила девятый класс, забрала документы из гимназии, переехала к бабушке и перешла в тридцать пятую школу.

Папа пытался вернуть меня обратно домой, говорил, что я совершаю большую ошибку. Что от учёбы в старших классах и занятий с репетиторами, которые он мне оплачивает, зависит вся моя последующая жизнь. Я разрыдалась, бросила трубку, и с тех пор больше с ним не разговаривала.

Иногда мне кажется, что своим предательством мальчика в капюшоне я заслужила всё, что со мной произошло — и смерть мамы, и новую любовь отца.

И я хочу, чтобы весёлый и благополучный Рощин оказался моим мальчиком в капюшоне, чтоб я смогла себя простить.

Глава 7. Джерри

– Ну что ты там, собрался? – перед выходом из дома я звоню Рощину, с которым мы теперь вместе ходим в школу.

– Да, уже выхожу, – даже по телефону я слышу, как одноклассник торопливо что-то на себя надевает. – Не уходи без меня!

– Ладно, таки быть, подожду тебя во дворе, – улыбаясь, я бросаю трубку, засовываю телефон в карман ветровки и выхожу из квартиры.

Любуюсь, как косые лучи восходящего солнца освещают многоэтажки, желтеющие деревья и тротуары с первым упавшими на них осенними листьями, жду Рощина и думаю о чём-то хорошем.

– Извини, – меньше чем через минуту ко мне подбегает запыхавшийся Алекс. – Чуть не проспал, еле успел!

– Так и быть, прощаю, – смеюсь я. – Пойдём? – и мы направляемся в сторону школы.

– Сегодня результаты пробного диктанта будут, как думаешь, на что написала? – спрашивает Алекс, когда мы уже почти подходим к трёхэтажному бежевому зданию, в котором мне предстоит провести ближайшие два года.

– Конечно же на пятёрку, – в своих способностях к русскому языку я не сомневаюсь. – А ты?

– Не знаю, русский не моя сильная сторона, четвёрку по-

лучу, и уже хорошо. Мне больше алгебра и геометрия нравятся, – Алекс открывает передо мной скрипучие железные ворота, ведущие в школьный двор.

– Значит мы идеально дополняем друг друга, – я прохожу в ворота, любезно открытые передо мной одноклассником. – Ты будешь подсказывать мне на алгебре, а я тебе на русском!

– Замётано, – Рошин заходит вслед за мной.

Как я и предполагала, диктант я написала на пятёрку.

– Ребята, как можно не знать элементарных правил русского языка и допускать такие глупые ошибки, – сетует Марья Ивановна, раздавая нам тетради. – Только Белецкая, Ярцев и Муратова меня порадовали! Остальным придётся переписывать! Иванов, ну уж как «жи-ши» пишется стыдно в десятом классе не знать! Горе ты моё, как ЕГЭ сдавать будешь? Может, лучше было всё же уйти после девятого?

– А он у Ярцева спишет, – подкалывает одноклассника Женёк Морозов. – Сядет к нему поближе, и будет каждый вопрос уточнять!

– К сожалению, или к счастью, списать на Едином государственном экзамене у вас не получится, – Марья Ивановна строго смотрит на шутника. – Поэтому давайте с сегодняшнего дня держать в уме, что мы готовимся к ЕГЭ, чтобы в конце одиннадцатого класса не пытаться за последнюю ночь выучить все правила, которые нужно было учить на протяжении всей школы. Согласны?

– Так и быть, мы над этим подумаем, – кивает конопатый

Никита, серьёзно глядя в свою тетрадь.

– А ты, Петров, сам недалеко от Иванова ушёл, – классная руководительница сурово смотрит на Никиту. – В десятом классе пора бы уже знать, что не с глаголом пишется раздельно!

– Я думал, это слово – исключение, – оправдывается Никита. – Вы сами говорили, есть слова-исключения! Негодовать, ненавидеть, и ещё там какие-то!

– И эти «ещё какие-то» тебе не мешало бы выучить, – Марья Ивановна раздаёт последние тетради, и подходит к доске. – Записываем: работа над ошибками...

Сразу же за русским языком идёт урок литературы. Обсуждаем произведение Островского «Гроза», которое мы должны были прочитать дома.

– Расскажи мне по-быстрому, о чём там, – шепчет мне в начале урока Алекс. – А то я не читал, а меня наверняка спросят!

– Ну, главную героиню зовут Катерина, она жена Тихона Кабанова, и её постоянно унижает мать мужа, Кабаниха, – тихонько шепчу я Алексу на ушко. – Катерина влюбляется в молодого человека по имени Борис. Когда Тихон уезжает, его сестра Варвара устраивает Катерине и Борису встречу, на которой Катерина изменяет мужу. Когда муж возвращается...

– Третья парта, я слышу, вы там что-то интересное обсуждаете? – прерывает мой пересказ Марья Ивановна.

– Да, беседуем о произведении Островского «Гроза» – бодро отвечает Алекс. – Вы не переживайте, всё исключительно по теме урока!

– Если по теме урока, значит тебя не затруднить пересказать нам сюжет, – улыбается классная руководительница.

Алекс бойко пересказывает то, что успел от меня услышать, и к счастью для него, Марья Ильинична прерывает его на середине, а дальше спрашивает Ковалёву. Повезло моему соседу – ведь пересказать ему концовку я так и не успела!

– Фух, пронесло, – подмигивает мне Алекс, и тихонько залезает в телефон, который лежит у него на коленях.

Ковалёва с горем пополам и с подсказками Ярцева всё же доходит до того момента, где Катерина топится, а её муж обвиняет свою мать в тирании, и начинается самая интересная и любимая для меня часть урока – обсуждение произведения.

– Катерина – изменщица, – безапелляционно заявляет Ярцев. – Не хотел бы я, чтобы у меня была такая жена! Муж только уехал, как она сразу же себе хахаля нашла!

– А ничего, что Кабаниха Катерину тиранила, и даже когда муж уезжал, заставляла ему в ноги кланяться? А муж был тряпкой, что маменька скажет, то и делал! На месте Катерины любая бы изменила! – начинаю я оправдывать героиню.

Как вообще этот Ярцев произведение читал? По диагонали? Как он может не понимать, что это вообще-то Катерина здесь пострадавшая!

– Никому не пожелаю такую девушку как ты, Белецкая, – хмыкает в ответ на мою тираду Ярцев. – А то ещё задержишься после работы в магазине, а ты сразу изменять побежишь!

– Ярцев, ты что, совсем ку-ку? Мы тут «Грозу» вообще-то обсуждаем, а не меня, – сердито парирую я.

Как же меня бесит этот придурок!

– При чём тут вообще измены, – поддерживает меня Руфина. – Марья Ивановна, вы же на прошлом уроке говорили нам, что это произведение – о «Тёмном царстве», о том, что Катерина была его жертвой!

– Хоть кто-то меня слушал, – одобрительно кивает Марья Ивановна. – И кого, принадлежащего к «Тёмному царству» ты можешь назвать?

– Кабаниха, купец Дикий... – после недолгого раздумья отвечает Руфина.

– Правильно, – кивает классная руководительница. – Антон, можешь ещё кого-нибудь добавить к этому списку? Или назвать жертв «Тёмного царства»?

– Все вы здесь – «Тёмное царство», – мрачно хмыкает Антон, и утыкается в телефон, спрятанный за учебником.

– Антоша в своём репертуаре, – хихикает Женёк.

А я поражаюсь тому, какое же этот Ярцев редкостное хамло. Сначала меня оскорбил, а теперь весь класс во главе с классной руководительницей разом! Но кажется, здесь к этому уже привыкли.

– Насколько я понимаю, кроме Белецкой, Ярцева и Муратовой пьесу никто не читал? – Марья Ивановна игнорирует хамство Ярцева, и строго смотрит на остальных моих одноклассников, не принимавших участия в дискуссии. – Иванов, Петров? Есть что сказать по произведению?

Марья Ивановна начинает вытягивать из моих одноклассников скудные мысли о пьесе Островского, а я начинаю играть в крестики-нолики с Алексом. Ну а что? Я свою оценку наверняка уже заработала, можно и отдохнуть.

На переменах я сама не замечаю, как мой взгляд вновь и вновь останавливается на долговязой фигуре Антона, в одиночестве сидящей на подоконнике в школьном коридоре. Почему он такой злюка? Откуда в нём столько желания говорить людям гадости? Терпеть его не могу! То ли дело Роцин, классный парень! И собаку его зовут Джерри...

Оставшиеся уроки проходят в приятном общении с Алексом и списывании у него упражнений по алгебре и геометрии. Ну а что – долг платежом красен. Так сказать, разделение труда в действии.

После уроков мы с Алексом ненадолго прощаемся, чтобы вновь встретиться на прогулке, на которую Алекс выходит в компании роскошного золотистого ретривера.

– Чудесно выглядишь! – заценивает одноклассник мой простой лук из голубых джинсов скинни и обтягивающего розового топа. – Ходи так в школу, и клянусь, что я не прогуляю ни одного урока!

– А ты умеешь делать комплименты, – смеюсь я. – Благодарю, ты тоже неплох.

– Рад что ты то заметила, – Алекс поправляет капюшон зелёной толстовки, и с гордостью представляет свою любимицу, – знакомься, это моя Джерри. Джерри, поздоровайся со Стасей!

– Она такая милаха! – я в восторге приседаю перед собачкой Алекса, и она вежлив подаёт мне широкую золотистую лапу.

– Да, она у меня умница, – Алекс треплет Джерри за шею. – Ещё сидеть и лежать умеет! Джерри, лежать!

Джерри виляет хвостом, и лениво укладывается на травку. Пока она лежит, мы с Алексом начинаем болтать о всякой всячине – о школе, одноклассниках, о том, на что можно сходить в кино. Глядя в серо-зелёные глаза Рощина, я чувствую, что рядом с ним могу быть собой – не той замкнутой печальной Стасей, которой стала после смерти мамы, а той радостной и уверенной в себе девочкой, которой была до того, как предала мальчика в капюшоне.

– А почему ты сюда переехала? – спрашивает Алекс, когда Джерри поднимается с травки, и мы направляемся вслед за ней куда-то в сторону школы.

– Так сложились обстоятельства, – уклончиво отвечаю я. – А ты всегда жил в этом районе?

– Не-а. У бати раньше бизнес был, и мы жили в другой квартире, в центре. Потом батя разорился, и сюда переехали,

– Алекс оказывается куда словоохотливее меня. – Батя поначалу выпивал, но потом завязал, на завод работать устроился. А твои родители чем занимаются?

– У отца бизнес, мамы нет, – нехотя отвечаю я.

Не люблю поднимать эту тему.

– Понятно, – Алекс больше не расспрашивает меня о родителях, за что я ему очень благодарна.

Вслед за Джерри, выбирающей путь, и ведущей за собой на поводке Алекса, мы обходим кругом школьный двор, доходим до парка, немного прогуливаемся по его аллеям и направляемся в сторону дома. Возле торгового центра мне кажется, что я вижу Ярцева, смотрящего в нашу сторону, но, когда мы подходим ближе, на крыльце ТЦ уже никого нет.

Привидится же такое! Надо меньше думать об этом придурке, тогда ничего лишнего видеться не будет.

Нужно верить фактам, а они говорят мне о том, что самый лучший кандидат на роль мальчика в капюшоне – это Алекс. Его собаку зовут Джерри, плюс в детстве отец Алекса выпивал. Всё это в комплексе говорит о том, что именно мой сосед по парте тот, у кого я все эти годы хотела попросить прощения, и тот, кого мне так сильно не хватало.

А ещё глаза Алекса можно назвать зелеными. Не то что бы я знала, какого цвета глаза у мальчика в капюшоне, просто я всегда представляла его зеленоглазым. И симпатичный Алекс вполне подпадает под идеальный образ, нарисованный моим детским воображением.

– Как насчёт выходных? – спрашивает меня одноклассник, и я выхожу из раздумья.

– Выходных? А что на выходных?

– Пойдёшь со мной на свидание? – хитро улыбается Алекс.

– Почему нет, – недолго думая, соглашаюсь я.

Может, я ошибаюсь, может красавчик Алекс и не мой мальчик в капюшоне – но мне кажется, он славный парень, и я хочу дать ему шанс.

Глава 8. Игра в "Бутылочку"

С утра я как обычно после переезда к бабуле встаю напротив зеркального шкафа в своей комнате, и начинаю делать зарядку. Просить у бабули деньги на абонемент в спортзале мне бы совесть не позволила, и так её разоряю своим переездом, поэтому теперь я занимаюсь дома. Делаю растяжку, приседаю, отжимаюсь от пола – я привыкла держать себя в форме! И настроение от упражнений улучшается в разы, и думается на уроках лучше.

Сделав около пятидесяти приседаний и пару десятков отжиманий бегу в душ, потом быстро пью чай с парочкой бутербродов, вижу сообщение от Алекса, что он уже выходит из дома, хватаю сумку и хлопаю дверью квартиры – новый учебный день ждёт тебя, Стася Белецкая!

– Доброе утро, – приветствует меня красавчик-одноклассник, мы по-дружески обнимаемся и торопливо идём в школу – сентябрьским утром уже довольно прохладно.

– Не хочешь после уроков в гости к Руфинке сходить? – интересуется у меня Алекс, когда мы почти подходим к бежевому зданию школы.

– К Руфинке? А зачем?

– Мы частенько у неё после уроков завигаем. Общаемся, чипсы едим, играем во что-нибудь. Почти как в летнем лагере, только без вожатых, – белозубо улыбается одноклассник.

– Ну хорошо, – соглашаюсь я. Почему бы не познакомить-ся с новыми друзьями поближе?

После уроков кооперируемся с Руфиной, Женьком и ещё парой-тройкой одноклассников и одноклассниц, и идём в магазин. Закупаемся провиантом по типу чипсов, фанты и колы, и идём в гости к Руфине.

К своему неудовольствию я вижу в нашей компании конопатого детину, первого сентября, положившего мне руку на плечо и назвавшего «Стасяном», но Алекс шёпотом говорит, что Никита неплохой парень, и я, скрепя сердце, даю Никите шанс реабилитироваться в моих глазах. Надеюсь, он больше не будет меня разочаровывать.

Дом Руфины, как и дом моей бабушки, располагается минутах в десяти от школы, только в противоположной стороне, поэтому доходим быстро. Мы бросаем в коридоре сумки, Руфина проводит нас в гостиную с большим диваном и мягким ковром, где мы и располагаемся со своими вредными провиантами.

– Мы тут газировкой балуемся, а Ярцев со своими Ковалёвой и Ивановым, наверное, где-нибудь в гаражах бухают, – смеётся Алекс, усаживаясь на диван.

– Что, правда? – удивлённо спрашиваю я, садясь рядом с Алексом и отпивая из бутылки фанту.

Не удивлюсь, если этот зловердный Антон ещё и алкоголик!

– Да не знаю я, не в курсе, чем они занимаются. Так, пред-

положил, – увиливает от ответа Алекс.

– Чем займёмся? – интересуется Женёк, усаживаясь возле дивана с чипсами.

– А давайте в «Бутылочку» поиграем, – предлагает рыже-волосая девочка по имени Катя. – Вон Никита почти колу допил пока мы шли, так что бутылочка уже есть!

– Молодец Никита позаботился о нашем досуге, – ухмыляется Алекс, отнимает у одноклассника бутылку с остатками колы, допивает её и кладёт на ковёр. – Ну что, все готовы играть?

– Но у меня же парень есть, – начинает отнекиваться Руфина.

– Не обязательно же в губы целоваться! Плюс, тебе вообще может выпасть девчонка, – смеётся Яна. – Давай, Руфинка, соглашайся! Будет весело! А парень твой не узнает, он же в соседней школе учится!

– Ну ладно, – Руфина нехотя опускается на ковёр, на котором остальные одноклассники уже усаживаются кругом вокруг бутылки из-под колы. – Надеюсь, никто из мальчиков мне не выпадет!

– Надеюсь, мне тоже, – подмигивает мне Алекс.

Вот же засранец! Надеюсь, он мне не выпадет. Хотя...

– Руфинка, ты здесь хозяйка, начинай первой, – Женёк хлопает Руфину по плечу. – Посмотрим, кто из нас тебе больше всего нравится!

Руфину раскручивает бутылку, и она указывает на ехидно

улыбающегося Женька.

– О, как мне повезло, – смеётся Женёк, радостно глядя на краснеющую Руфину. – Ну, ты знаешь, что делать!

– Женёк неровно дышит к нашей Руфине, – шепчет мне на ухо сидящий справа от меня Алекс. – Повезло ему!

Руфина, которую явно смущает кандидатура Женька, чмокает его в щёчку и быстро садится на своё место.

– И это всё? – возмущается Женёк. – Я надеялся на большее!

– Облом, – разводит руками смеющаяся Руфина, и Женёк в притворной печали опускает голову.

Следующей бутылку крутит Катя, ей выпадает Яна, смеющиеся девчонки целуются, и очередь крутить бутылку доходит до Алекса. Ехидно поглядывая на меня, Роцин тщательно рассчитывает, с какой силой запустить бутылку, и крутит её так, что она указывает на меня. Вот же негодник!

– Какое везение, – руки одноклассника нагло скользят по моей талии, он нахально смотрит мне в глаза своими большими серо-зелёными глазами, наклоняется всё ниже, его губы тянутся к моим... Может, это даже показалось бы мне романтичным, не будь рядом четверых одноклассников, с огромным интересом ожидающих, каким же будет поцелуй Роцина и его соседки по парте!

– И не говори, повезло, – я ловко уворачиваюсь, Алекс промахивается и целует меня в щёчку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.